

С.В. БОГДАНОВ, Ю.С. ГУДОВА, В.Г. ОСТАПЮК

СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ: ГРАНИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

БОГДАНОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (dr.bogdanov_sv@mail.ru); ГУДОВА Юлия Сергеевна – преподаватель (gudova@bsu.edu.ru); ОСТАПЮК Владимир Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой (ostapyuk@bsu.edu.ru). Оба – Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Все – Белгород, Россия.

Аннотация. Статья посвящена практикам социальной адаптации женщин, оставшихся на оккупированной немецкими войсками и их союзниками территории СССР в годы Второй мировой войны. Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных оккупационному периоду, социальная повседневность жизни гражданского населения в этих условиях по-прежнему продолжает нести на себе отпечатки мифологизации. Факты свидетельствуют: самыми многочисленными группами советских граждан на оккупированной немецкими войсками территории были женщины и дети. Именно эти две социальные группы населения оказались в центре внимания немецких захватчиков и созданных ими коллаборационистских властных структур. Компаративный анализ массива архивных документов территориальных органов государственной безопасности СССР позволил выявить три наиболее распространенные стратегии социальной адаптации и индивидуального поведения на оккупированной немецкими войсками территории. Это: две крайние формы – активное неприятие (участие в антифашистском подполье, партизанском движении) или активное сотрудничество с оккупантами (германскими разведслужбами, комендатурами, русской вспомогательной полицией) и самая распространенная тактика социального неприятия окружающей действительности без вступления в открытый конфликт. Каждая из выявленных социальных практик адаптации в условиях крайне неблагоприятных условий – массового террора немецких оккупационных властей, насильственно насаждаемого германского «нового порядка», ничем не ограниченного самовластия немецких ставленников из числа местных коллаборационистов – основывалась на индивидуальной мотивации и приоритетах устоявшихся привычек и нравственных ценностей.

Ключевые слова: немецкая оккупация • женщины • практики социальной адаптации • индивидуальное отношение к немецкому «новому порядку»

DOI: 10.31857/5013216250009819-3

Введение. В статье предпринимается попытка реконструкции одного из самых трагичных периодов истории советского государства и общества – годов немецкой оккупации. Оккупационные порядки на захваченных советских территориях с полным основанием могут быть охарактеризованы как травма катастрофы, поставившей судьбы населения страны на грань между продолжением существования и исчезновением. Из множества вопросов намеренно вычленяется наименее изученный, но продолжающий испытывать на себе последствия недосказанности от конъюнктурных спекуляций до фальсификаций. Это проблемы выживания, стратегии адаптации одной из самых многочисленных групп советских граждан – женщин, в силу ряда обстоятельств вынужденных остаться на оккупированной немецкими войсками и их союзниками советской территории в годы Великой Отечественной войны, что в конечном счете способствовало изменениям традиционных для довоенного периода ролей.

Стремительный захват большой по протяженности территории Советского Союза немецкими войсками в первые месяцы после вторжения привел к тому, что около 70 млн

советских граждан оказались в оккупации. Для ряда областей СССР период пребывания под властью немецкого командования оказался довольно продолжительным – более трех лет. Среди таких регионов страны была и Курская область – преимущественно аграрный регион, который включал 66 районов. Накануне войны здесь проживало около 2 млн человек, преобладало сельское население, что наложило отпечаток на все разнообразие социальных взаимосвязей и межличностных отношений. Среди этой группы жителей советской провинции сохранялись и устойчиво воспроизводились нравственные устои и традиционные стереотипы поведения. Это обстоятельство сыграло решающую роль в выборе индивидуальной стратегии поведения в условиях рухнувшего советского миропорядка.

Цель исследования и источники. Целью исследования является выяснение социальных практик индивидуального приспособления, особенностей межличностного общения, выстраивания взаимоотношений женщин и органов оккупационной власти, ее представителей в условиях чрезвычайного социального неблагополучия. Выделяются причины и условия, способствовавшие как сотрудничеству с оккупантами и их ставленниками, так и возникновению острого неприятия самого факта измены Родине, служения новой власти, в том числе интимных связей с оккупантами.

Ограниченный и специфический характер первоисточников, в которых содержится материал по особенностям жизни женщин в оккупации в годы войны, создает объективные сложности реконструкции событий и социальных практик того периода. Основные сведения о жизни гражданского населения на оккупированной немецкими войсками и их союзниками советской территории почерпнуты из двух видов источников: 1) рассекреченных архивно-следственных документов территориальных органов государственной безопасности СССР, в подведомственности которых на протяжении послевоенного периода были розыск, задержание и проведение следственных действий в отношении лиц, подозреваемых в активном сотрудничестве с немецкими захватчиками в 1941–1945 гг.; 2) воспоминания непосредственных участников событий тех лет.

По категории уголовных дел, подведомственных КГБ СССР, проводились допросы свидетелей, подозреваемых, запрашивались архивные документы, экспертные заключения. В то же время ни в одном из свидетельских показаний местных жителей не встречалось упоминаний о личных достоинствах фигурантов уголовных дел, даже если они и были на самом деле. Среди этих документов большое количество данных, воссоздающих немецкие оккупационные порядки на территории Курской области.

Воспоминания непосредственных участников при всей их бесспорной ценности имеют существенный изъян – отчетливо прослеживаемую субъективность авторов. Однако использование данного вида информации в дополнение к архивным документам органов госбезопасности позволяет составить разнообразную и лишенную идеологической тенденциозности картину повседневной жизни советских женщин в условиях военного лихолетья. Так, например, в отдельных воспоминаниях давалась положительная оценка личных качеств некоторых деревенских старост, сельских полицейских, которые не запятнали себя участием в карательных операциях, издевательствами над местными жителями, личным обогащением. Старт появлению такой литературы был дан с начала 1990-х гг. Такие мнения в прошлом могли повлечь за собой негативные последствия для тех, кто их высказывал.

Краткий обзор литературы. Советская научная литература, посвященная немецкой оккупации, охватывала небольшой перечень тем: антифашистское сопротивление, партизанское движение, зверства немецких захватчиков на оккупированных территориях СССР. Проблемы коллаборационизма, повседневной жизни советских граждан в условиях «немецкого порядка» были фактически изъяты из поля зрения советских специалистов. Это являлось следствием тех идеологических установок, которые существовали в отечественных общественно-научных науках до распада СССР. С начала 1990-х гг. ситуация стала кардинально меняться: начали заполняться исследовательские лакуны периода Второй мировой войны, изучаться темы, на которых ранее лежало негласное табу. Центральные и местные издательства начали публиковать сборники архивных документов, мемуары,

монографические исследования, посвященные периоду оккупации регионов Советского Союза [Оккупация..., 2010; Ковалев, 2011; Сеницын, 2015].

Увеличивается количество научных публикаций, посвященных социальным аспектам жизни гражданского населения в годы войны. В то же время, несмотря на «исследовательский бум» в изучении российскими общественными науками жизни части населения тех советских территорий, которые оказались в зоне немецкой оккупации в 1941–1943 гг., ряд вопросов до настоящего времени продолжает оставаться практически неизученным, в том числе практики выживания женщин.

Ретроспективно характеризуют новейшие исследования западных специалистов по историко-социальным проблемам судеб на оккупированных немецкими войсками территорий государств Западной Европы в ходе Второй мировой войны, обратим внимание на следующее. Судьбы женщин, детей, рожденных от военнослужащих оккупационных войск в годы Второй мировой войны, оказались в центре внимания двух сборников статей (2005 и 2007 гг.) под редакцией Ч. Карпентера [Carpenter, 2005; 2007]. В 2008 г. в журнале «Исторические социальные исследования» была опубликована статья И. Мочманн и Ш. Ларсена, посвященная одному из последствий немецкой оккупации Норвегии – судьбе детей, рожденных женщинами этой страны в результате связей с немецкими военнослужащими [Mochmann, Larsen, 2008]. Современные историко-социальные исследования в той или иной мере затрагивают разные аспекты оккупации немецкими войсками захваченных ими государств, но сосредоточены на проблемах интимных отношений местных жителей и немецких военнослужащих, а также детей, рожденных от захватчиков.

Виды социальных практик адаптации. Анализ воспоминаний советских граждан, оказавшихся на оккупированной германскими войсками и их союзниками территории Курской области в 1941–1943 гг., материалы архивно-следственных дел лиц, обвинявшихся в измене Родине и переходе на сторону гитлеровской Германии, донесения советской агентуры с оккупированной территории позволили выделить три стратегии индивидуального приспособления женщин в условиях масштабной национальной катастрофы – захвата советской территории немецкими войсками и установления террористической диктатуры: активное сопротивление, активное добровольное сотрудничество, помощь установлению и поддержанию германского «нового порядка», и самая распространенная – пассивное неприятие.

Активное сопротивление. Жестокости захватчиков, желание отомстить немецким агрессорам за родных и близких, поруганные честь и достоинство, открытое национальное унижение, патриотический порыв подталкивали определенную часть советских женщин, оставшихся на оккупированной территории Курской области, занять позицию активного сопротивления оккупационным властям и их ставленникам – местным коллаборационистам. Среди активных форм сопротивления немецким оккупантам наибольшее распространение получили: участие в партизанском движении, антифашистском подполье, работа на советские разведывательные органы.

Некоторые из курских женщин-разведчиц за предоставленные ценные сведения о противнике и проявленную храбрость получили благодарность от командования РККА, были награждены боевыми орденами и медалями. Советский агент Лашина неоднократно доставляла ценные для командования Красной армии сведения о противнике. В декабре 1941 г. Лашина, находясь в разведке в селе Вислое Сажновского района, была задержана немецким патрулем и направлена в штаб под конвоем немецкого автоматчика. По дороге в штаб она вырвала автомат у конвоира и убила его. После этого вернулась на советскую территорию, доставив немецкий автомат и разведсведения. На их основе немцам были нанесены потери в живой силе: 80 убитых, 150 раненых солдат и офицеров. Лашина была представлена к правительственной награде.

Разведчица Колозаева, находясь на задании в селе Фатеевка, познакомилась с немецким солдатом, зарезала его ночью бритвой, подожгла склад с продовольствием и вернулась на советскую территорию.

Разведчица Стеценко в разведке на территории Льговского района, помимо сбора сведений о противнике, убила немецкого часового, подожгла общежитие немцев, разбросала антифашистские листовки, доставила руководству УНКВД по Курской области ценные разведданные [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 19, л. 7].

В отчетных документах УНКВД по Курской области приводились примеры участия местных жительниц в деятельности созданных на оккупированной немецкими войсками территории Курской области партизанских отрядов.

Значительное количество преимущественно молодых жительниц Курской области приняли участие в деятельности подпольных антифашистских организаций, несмотря на смертельный риск этого вида деятельности. Они распространяли антифашистские листовки, собирали и передавали партизанам большое количество ценной информации.

Добровольное активное сотрудничество с оккупантами. С первых часов начала утверждения нового «немецкого порядка» на захваченной территории Курской области выявилось то, что силой репрессивного аппарата и страха пряталось на протяжении предшествующих десятилетий в сознании отдельных советских граждан – ненависть к советскому государству, представителям партийных и государственных органов. Сразу же у немецких оккупационных властей появились добровольные помощники, готовые донести на тех односельчан или горожан, кто в довоенные годы занимал ответственные должности в местных партийных, государственных, советских органах. 29 ноября 1941 г. немцами была расстреляна секретарь первичной парторганизации 1-го Любичского сельсовета Медвенского района П. Васильева, ее выдала оккупантам одна из местных жительниц [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 39].

Наряду с такими спутниками войны, как насилие и массовый террор, на территории Курской области, оккупированной немецкими войсками, выявились факты сотрудничества части местных жителей с захватчиками. Оно носило как вынужденный (работа на строительстве оборонительных сооружений, очистка улиц, работа на восстановленных предприятиях и в организациях, медицинских учреждениях, бытовое обслуживание немецких военнослужащих, определенных на постой к местным жителям), так и активный добровольный характер (служба в органах русской вспомогательной полиции, жандармерии, тюрьмах, немецких разведывательных органах).

Стремление отомстить за репрессии советской власти в отношении родных и близких, свои обиды, желание приспособиться к новым порядкам подталкивали отдельных женщин к активному сотрудничеству с немецкими оккупационными властями. Например, в селе Шестопалово Свободинского района бывшая раскулаченная советской властью местная жительница [Ш]¹ выдала немцам четверых больших красноармейцев, находившихся в селе [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 39].

В то же время женщины на оккупированной территории оказались во власти немецких захватчиков, начиная от военного коменданта и заканчивая рядовым солдатом, а также местных коллаборационистских властей. Бесправие носило всеохватывающий и повседневный характер. Так, в селе Ближняя Игуменка Белгородского района под Новый 1942 год комендант этого села согнал девушек и женщин в возрасте от 16 до 23 лет на смотрины, выбрал из них самую красивую девушку и «женится» на ней под угрозой в случае отказа повесить всех ее родственников [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 33].

Угроза голодной смерти, желание обезопасить себя и близких способствовали тому, что отдельные женщины на оккупированной территории Курской области завязывали тесные отношения со служащими русской вспомогательной полиции, жандармерии, немецкими военнослужащими. Связи с «изменниками», «фашистскими прихвостнями» (так среди подавляющего большинства местных жителей называли тех, кто активно сотрудничал с немецкими оккупационными властями) женщин, сожительствовавших с активными

¹ Фамилии, имена и отчества обозначенных литерами лиц в документах приводятся полностью. – Прим. ред.

коллораборационистами, сопровождалась этими эпитетами. Вслух озвучить их никто не решился из опасения быть обвиненным в сочувствии партизанам.

Сотрудничество женщин с представителями оккупационных властей носило разнообразный характер. Нередко встречались факты любовных взаимоотношений. В одной из агентурных сводок отмечалось: «Учительница Мясоедовской школы [Т] принимала у себя на квартире и угощала немецкого коменданта и переводчика». Руководство УНКВД по Курской области информировалось, что после изгнания немцев «в данное время она переехала в село Неклюдово Шебекинского района» [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 37]. Упоминание о новом месте жительства женщины, замеченной в личных связях с врагом, предназначалось, прежде всего, местным сотрудникам органов госбезопасности для проведения в отношении ее соответствующих мер.

Отношение местных жителей к такому виду «сотрудничества» женщин с немецкими военными служившими было чрезвычайно отрицательным. Значительное число женщин, проживавших на оккупированной территории и сожительствовавших с немецкими захватчиками или служащими созданных германскими оккупационными властями органов русской вспомогательной полиции, вынуждены были бежать с отступающими частями вермахта или сменить место жительства. Остаться с людьми, которые видели или догадывались об имевшейся в прошлом связи с немецким военным служащим, означало обречь себя и своего ребенка на постоянные издевательства и презрение.

В разведсводке УНКВД по Курской области, переданной на имя Наркома НКВД Л.П. Берии в начале января 1942 г., приведен факт. В результате контрнаступления Красной армии у немцев был отбит Советский район Курской области, где сразу же началась работа советских органов госбезопасности. Согласно показаниям местных жителей, в антисоветской деятельности были обвинены две местные жительницы: [Р], 1915 г.р., работала учителем в школе, и [С], 1919 г.р., также учитель местной школы. Эти девушки были обвинены в том, что «имели тесную связь с немецкими офицерами, присутствовали у них на вечеринках, получали от офицеров подарки, катались с офицерами на автомашине, посещали немецкий штаб и радиоузел». Согласно приговору военного трибунала они приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение. Наказание, которое они понесли, было вполне ожидаемо, учитывая «законы военного времени», хотя в приведенной информации больше эмоций, нежели доказательств их вины перед государством [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 132, л. 62].

Ненависть к пособникам германских захватчиков накапливалась и ждала своего часа. Когда немецкие части отступали из захваченных городов и сел, вместе с ними бежали и служащие местных магистратур, управ, управлений полиции на пару со своими женами и сожительницами. Последние осознавали, что расправа над ними будет скорой и жестокой. В качестве примера сошлемся на факт добровольной явки в органы «Смерш» 18 января 1943 г. в городе Валуйки (районный центр Курской области) жены бывшего начальника Валуйской районной полиции [С]. Женщина просила защитить ее как от разгневанных горожан, так и от «советских солдат, которые пригрозили ее зарубить саперными лопатками» [АУФСБ РФ по Белгор. обл., ф. 12, оп.1, д. 13132, т. 1, л. 97].

С первых дней оккупации Курской области немецкие разведорганы начали активную деятельность среди местного населения. Учитывая, что мужская часть гражданского населения была представлена преимущественно стариками и подростками, основное внимание германских спецслужб в плане вербовки агентуры было обращено на женщин. В конце 1941 г. в Управление НКВД по Курской области начали поступать первые сообщения о местных жительницах, сотрудничавших с немецкой разведкой. Было установлено, что [Г], имевшая квартиры в селах Ушаково и Шеино Сажновского района, вела наблюдение за передвижением частей РККА и об этом сообщала немецкому командованию [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 39].

По мере укрепления немецкого «нового порядка» на оккупированной территории Курской области здесь резко активизировалась деятельность спецслужб нацистской

Германии. В конце января 1942 г. 4-м отделом УНКВД по Курской области в районном центре области – Старом Осколе – были задержаны прибывшие с оккупированной немцами территории под видом перебежчиков пять агентов немецкого разведштаба «1-Ц Антон», в том числе три женщины. Особая роль отводилась [Ж], 1921 г.р., уроженке Житомира. До захвата немцами Курска она работала чертежницей в областном земельном управлении. Мать [Ж] в 1937 г. была осуждена за антисоветскую деятельность и отбывала наказание в лагере на территории Молотовской области. На допросе она показала, что в январе 1942 г. была завербована в качестве агента немецкой разведки и в составе группы перешла линию фронта. Ей была поставлена задача прибыть в город Куйбышев и выполнить ряд разведывательных заданий. «В качестве аванса за будущую работу в советском тылу [Ж] было выдано 4 тыс. рублей, а также шерстяная кофта, чулки, рейтузы и конфеты. Две другие разведчицы получили от немецкого разведотдела по 1500 рублей» [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 44 об.–45].

В конце осени 1942 г. от советской агентуры с оккупированной немецкими войсками территории Курской области стала поступать информация о создании в Курске и Фатеже разведывательных школ «Абвера». Разведшкола в Фатеже функционировала под видом школы. Наряду с преподаванием в них немецкого и английского языков там производилось обучение методам ведения агентурной разведки. Особенностью Фатежской немецкой разведшколы явился исключительно женский состав слушательниц. Возрастной состав: старшей – 25 лет, младшей – 16 лет. Большинство курсанток школы «Абвера» были учащимися учебных заведений [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 129, л. 61–62].

Изучение рассекреченных архивных материалов крупнейших территориальных управлений ФСБ РФ в Центральном Черноземье (Курской и Белгородской областях) обнаружило только два архивно-уголовных дела в отношении жительниц этих областей, обвиненных в активном добровольном сотрудничестве с германскими оккупационными властями. Первое дело в отношении [Б], бывшего секретаря одной из районных полиций Курской области. В материалах дела в качестве одного из эпизодов, отягчающих ее основную вину по выдвинутой немцам партийно-комсомольского актива района, упоминались «постоянные гулянки-кутежи у себя на квартире с приглашением туда немецких офицеров» [АУФСБ РФ по Белгор. обл., д. 8215, л. 4]. Во втором деле в качестве обвиняемой фигурировала уроженка Белгорода [Т], добровольно изъявившая желание работать на немецкие разведывательные органы и выдававшая немцам советских подпольщиков [АУФСБ РФ по Белгор. обл., д. 11183, т. 8, л. 56].

Число женщин, которые сотрудничали с немецкими оккупационными властями, работали в коллаборационистских структурах в этих областях Центрального Черноземья в 1941–1943 гг., было больше, нежели официальное количество осужденных. Это объясняется тем, что определенная часть ушла с немецкими отступающими частями, в отношении оставшихся на освобожденной Красной армией территории у правоохранительных органов не было оснований для привлечения к ответственности.

Пассивное неприятие. Наибольшая часть женского населения придерживалась пассивного неприятия немецкого «нового порядка». Нововведения немецких оккупационных властей и местных коллаборационистских властных структур (магистратур, управ и пр.) не встречали поддержки женской части оставшегося на оккупированной территории населения. Пропаганда не могла внедрить в сознание этой части населения идей об «освободительной миссии Германии в России от большевиков». Слишком большой оказалась пропасть между декларациями новых властей и их практическими действиями. Следствием агрессии против СССР явилось резкое падение жизненного уровня, разрушение социальной сферы: медицины, образования, культуры, социального обеспечения. Но главным было беспрецедентное ущемление достоинства советских граждан.

Неприятие немецких оккупантов местными жителями, вынужденными остаться на оккупированной немецкими войсками территории Курской области, подпитывали многочисленные факты злодеяний, которые рано или поздно доходили до сведения гражданского

населения, преступления немецких военнослужащих против мирного населения. Особую жестокость немецкие солдаты проявляли в отношении женщин, которые не скрывали своего негативного отношения к захватчикам. Малейшее подозрение в нелояльности к захватчикам вызывало жесточайшие ответные меры немецкого командования. Жительница села Мясоедово Белгородского района 23-летняя М. Ушакова была арестована немцами за то, что передавала информацию партизанам о передвижении немецких войск. Девушка была публично расстреляна [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 37].

Жестокость немецких оккупационных властей многократно усиливалась, если к ним попадала женщина, подозреваемая в связях с партизанами или советской разведкой. Один из фактов был зафиксирован в хуторе Ханыки Черемисиновского района, где немцы задержали двух девушек, которые после допроса немецким офицером были зверски убиты: им обрезали уши, носы, выкололи глаза, затем расстреляли. После этого трупы были изуродованы и брошены на улице. Хоронить их местным жителям под угрозой расстрела было запрещено [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 132, л. 86 об.]. Массовый террор затронул женщин, родные и близкие которых были в Красной армии или были сотрудниками правоохранительных органов. В селе Куськино при отступлении немцы бросили в погреб и сожгли жену сотрудника районного отдела НКВД Е.С. Филимонову и двух ее детей [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 21].

Для того чтобы оказаться жертвой немецких захватчиков, не обязательно было нарушать предписания оккупационных властей. Примечателен следующий факт: 20 января 1942 г. немцами в Обояни на фонарном столбе была повешена одна из местных жительниц. К трупу была прикреплена табличка: «Букреева Вера повешена за то, что по приходе красных она могла бы выдать людей, помогавших немцам» [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 132, л. 49]. В Воловском районе в доме мастной жительницы А. Вихелевой немецкий офицер жестоко избил ремнем ее 2-летнего ребенка за то, что он заплакал в его присутствии [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 132, л. 55].

Одной из трагических страниц начала оккупации Курской области немецкими захватчиками явились многочисленные факты изнасилований немецкими военнослужащими советских женщин в захваченных деревнях, селах и городах. Несмотря на то что в гитлеровской Германии были жесткие законы, грозившие тюремным заключением подданному Третьего рейха за вступление в интимные отношения с представительницей неарийского происхождения, эти законодательные акты не применялись в отношении солдат и офицеров германской армии.

В информации, поступившей в УНКВД по Курской области от советской агентуры в конце ноября 1941 г., сообщалось, что «в Волчанске немецкие солдаты находились 6 дней. За эти дни немцы город разграбили, насильовали 16-летних девушек» [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 136, л. 2]. В селе Новое Ольшанное Должанского района немецкие солдаты насильовали даже беременных женщин [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 132, л. 49 об.]. В селе Петрище Черемисиновского района немецкие захватчики изнасиловали детей и девушек в возрасте от 8 до 16 лет [АУФСБ РФ по Курск. обл., д. 132, л. 65].

Итоги. Пассивное неприятие немецких оккупационных порядков явилось одной из наиболее распространенных социальных практик среди подавляющего большинства женщин Курской области, оказавшихся на оккупированной немцами территории. Данная стратегия позволила им выжить самим, обезопасить собственных детей и оставшихся на их попечении престарелых родителей.

Одним из устойчиво воспроизводившихся на протяжении всей послевоенной истории советского общества мифов являлось утверждение о единстве и сплоченности советского общества. Однако с первых шагов утверждения на захваченной советской территории немецкого «нового порядка» у отдельных советских граждан получили дополнительный толчок зависть, корысть, тщеславие, жажда мести за прошлые обиды. Если в довоенный период этот негатив прятался очень глубоко, то в условиях реализации немецкими захватчиками их принципа управления «разделяй и властвуй» выход наружу всего этого

деструктива поощрялся. Архивные фонды районных управ, магистратур изобилуют жалобами, доносами, авторами которых были отдельные местные жители.

Сегодня достоянием общественности становятся различные документы органов государственной безопасности СССР периода Второй мировой войны. Но многие вопросы остаются до конца не изученными. Так, если число жертв немецких захватчиков среди гражданского населения, количество участников партизанского движения на территории Курской области основательно исследовано, численность жителей этой области, в той или иной мере сотрудничавших с немецкими оккупационными властями в 1941–1943 гг., ждет изучения. Конечно, авторы статьи пытались обнаружить количественные данные описанных в статье явлений. Однако в архивных документах такие данные скудны.

На 1 октября 1945 г. УНКВД по Курской области было арестовано 13 552 человека, в том числе 381 агент немецких спецслужб, действовавших на территории области в период ее оккупации, 12 898 активных пособников фашистской Германии и бывших полицейских [АУФСБ РФ по Курск. обл., ф. 10, оп. 1, д. 5 (1945), л. 61]. Это значительно больше, чем, например, в Воронежской области. В то же время в сводных отчетах количество арестованных женщин не указывалось. Авторские изыскания в ведомственных архивах территориальных УФСБ РФ не выявили большого числа архивно-следственных дел в отношении жительниц Курской области, обвиняемых в активном сотрудничестве с немецкими оккупационными властями или коллаборационистскими структурами. Это не говорит о том, что реальное количество активно сотрудничавших с оккупантами и их ставленниками было незначительным. Дело в том, что советские карательные органы в послевоенные годы выявляли тех, кто с оружием в руках выступил на стороне фашистской Германии или был завербован немецкими спецслужбами для разведывательно-диверсионной деятельности.

Изучение корпуса разнообразных документов, посвященных периоду немецкой оккупации Курской области, позволяет сделать вывод о серьезной деформации гендерных ролей основной массы населения – женщин. Утверждение немецкого «нового порядка» привело к уничтожению всех социально-экономических гарантий, благ и привычного довоенного мировосприятия, достижений и результатов деятельности советского государства в послеоктябрьский период.

Многочисленные факты грабежей, избиений, изнасилований и убийств, совершенных военными германской армии в отношении женщин на оккупированной территории Курской области, – часть вторжения гитлеровской Германии в СССР. С офицеров и солдат немецкой армии снималась ответственность за действия в отношении советских граждан. Опьяненное кровью, победами в Западной Европе и на Востоке, воспитанное в духе превосходства немцев и презрения к «недочеловекам-славянам», германское воинство оставляло после себя смерть, искалеченные людские души и тела, опустошение.

В то же время жизнь гражданского населения на захваченной немецкими войсками территории Курской области ставила человека на грань между жизнью и смертью, героизмом и предательством, моральными принципами и стремлением выжить любой ценой, нежели это преподносилось официальной историей. Большая часть советских граждан, вынужденных остаться на оккупированной территории, продолжали в отношении друг с другом придерживаться принципов добрососедства, взаимопомощи, сочувствия, стремления прийти на помощь в трудную минуту. Данные моральные устои и традиции, неприятие лжи, продажности, приспособленчества, несправедливости, унижения человеческого достоинства, распущенности отталкивали большую часть женщин, оказавшихся в оккупации, от немецких захватчиков и их коллаборационистских ставленников.

Миф о тотальном терроре советского государства, развязанном в послевоенный период в отношении женщин, которые на оккупированной территории под давлением неблагоприятных обстоятельств вынуждены были сотрудничать с немецкими захватчиками (работать на вновь открытых предприятиях, трудиться в сельхозпредприятиях, в коммунальном хозяйстве, учить детей в школах, лечить больных в больницах, в том числе сожительствовать с немецкими военнослужащими), не находит документального

подтверждения. Хотя никто не будет отрицать того, что судьбы этих женщин, детей, родившихся в результате таких связей, оказались сложными и натолкнулись практически повсеместно на чрезвычайно негативное отношение окружающих.

Иная картина предстает в отношении женщин, оказавшихся на оккупированной территории государств Западной Европы, захваченных нацистской Германией, в отношении которых впоследствии было обнаружено то, что они сожительствовали с немецкими солдатами и офицерами [Лоу, 2013]. В Голландии после изгнания из этой страны немецких захватчиков головы этих женщин – «девушек для фрицев» (*moffenmaiden*) – обривали наголо и красили в оранжевый цвет. После этого ставили на колени в навоз и в открытой машине провозили по городу, затем выставляли на городской площади для того, чтобы местные жители обливали их из шлангов нечистотами. В освобожденной Франции любовниц немецких захватчиков – «подстилок для бошей», обритых наголо, провозили по улицам города для всеобщего поругания. Наказание для норвежек, имевших связи с немецкими военнослужащими, оказалось, пожалуй, самым суровым. Женщины-норвежки, родившие детей от немцев, осуждались на полтора года принудительных работ, а дети отправлялись в сиротские приюты. Только в ноябре 2018 г. норвежское правительство извинилось перед женской половиной своей страны, которая подверглась репрессиям за связь с оккупантами после окончания войны. Чуть раньше голландские власти признали неоправданную жестокость в отношении женщин, уличенных в сотрудничестве с немецкими захватчиками.

Что касается России, проблемы многих женщин, оказавшихся в немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны, детей, появившихся в результате многочисленных как добровольных, так и насильственных связей женщин с фашистскими захватчиками, продолжают оставаться открытыми.

ИСТОЧНИКИ

- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (АУФСБ РФ по Белгор. обл.). Д. 8215.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (АУФСБ РФ по Белгор. обл.). Ф. 12. Д. 1312.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (АУФСБ РФ по Белгор. обл.). Д. 11183.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 19.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 129.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 132.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ по Курск. обл.). Ф. 4-го отдела УНКВД. Д. 136.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. [Kovalev B. (2011) *Everyday Life of the Russian Population during the Nazi Occupation*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)]
- Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 г.). Документы и материалы / Авторы-составители: А.Н. Крупенков, Т.И. Утенина, Л.Б. Хромых. Белгород: Константа, 2010. [Occupation (Belgorod Region in October 1941 – August 1943). Documents and Materials. (2010) Compil. by A.N. Krupenkov, T.I. Utenina, L.B. Hromih. Belgorod: Konstanta. (In Russ.)]
- Синицын Ф.Л. Разделяй и властвуй. Нацистская оккупационная политика. М.: Вече, 2015. [Sinityn F.L. (2015) *Divide and Rule. Nazi Occupation Policy*. Moscow: Veche. (In Russ.)]
- Carpenter R.C. (ed.) (2005) *Protecting Children Born of Sexual Violence and Exploitation in Conflict Zones: Existing Practice and Knowledge Gaps*. Graduate School of Public and International Affairs and Ford Institute for Human Security. Pittsburgh. PA: University of Pittsburgh.

- Carpenter R.C. (ed.) (2007) *Born of War. Protecting Children of Sexual Violence Survivors in Conflict Zones*. Bloomfield: Kumarian Press.
- Mochmann I.C., Larsen S.U. (2008) "Children Born of War": the Life Course of Children Fathered by German Soldiers in Norway and Denmark during WWII – Some Empirical Results. *Historical Social Research*. Vol. 33. No. 1: 347–363.

Статья поступила: 19.05.20. Принята к публикации: 06.07.20.

SOVIET WOMEN UNDER THE GERMAN OCCUPATION: FACETS OF SOCIAL ADAPTATION

BOGDANOV S.V.*, GUDOVA J.S.*, OSTAPYUK V.G.*

*Belgorod State National Research University, Russia

Sergei V. BOGDANOV, Dr. Sci (Hist.), Prof., National Research Technological University "MISiS" (dr.bogdanov_sv@mail.ru); Julia S. GUDOVA, lecturer (gudova@bsu.edu.ru); Vladimir G. OSTAPYUK, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. (ostapyuk@bsu.edu.ru). All – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Abstract. This article is devoted to one of the least studied problems to date – strategies and practices for the social adaptation of women remaining on the USSR territory occupied by German troops and their allies during the WW2. Despite a significant number of diverse publications devoted to the occupation period, social everyday life of civilians in times of war is still bearing imprints of considerable myth-making. The facts show that a most numerous groups of Soviet citizens in the territory occupied by German troops were women and children. It was these two social groups of the population that were in the center of attention of both the German invaders and the collaborative power structures they created. A comparative analysis of a wide array of archival documents of the territorial state security bodies of the USSR, memoirs of direct witnesses of that period of time, reveal three most common strategies for social adaptation and individual behavior in the territory occupied by German troops. These are: two extreme forms – active rejection (participation in anti-fascist underground, partisan movement) or active cooperation with the invaders (German intelligence services, commandants, Russian auxiliary police). The most common tactic features social rejection of the surrounding reality without entering into an open conflict. Each of the identified social adaptation practices under extremely adverse conditions – mass terror by the German occupation authorities, forcibly imposed German "new order", unlimited autonomy of German protégés from among local collaborators – was based on individual motivations and priorities of personal habits and moral values.

Keywords: German occupation, soviet women, practices of social adaptation, individual attitude to the German "new order".

Received: 19.05.20. Accepted: 06.07.20.